

Я. А. ГОРДИН,

писатель, историк, главный редактор журнала «Звезда»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПТИМИСТ

Неизбежно сегодняшний разговор и на широкой аудитории, и в узком кругу сосредоточен на проблеме интеллигенции, интеллигентности и месте Дмитрия Сергеевича не столько в науке, сколько в общественной, в нравственной жизни нашего общества. Дмитрий Сергеевич был замечательным представителем сложной и не массовой отрасли филологической науки. Не являясь специалистом по русской медиевистике, я тем не менее представляю масштаб его работы.

Я много лет занимался декабристами, но всегда сложно произносить это слово, потому что это общий и чрезвычайно условный термин. Такое же ощущение у меня вызывает слово «интеллигенция» в данном контексте. На мой взгляд, никакой единой интеллигенции не было, нет и быть не может. Есть, действительно, некое сообщество, но различия внутри него велики. Для того чтобы как-то определить, хотя бы условно, место Дмитрия Сергеевича Лихачева в этой общности, нужно вспомнить, что интеллигенция в недавние советские времена вела себя по-разному. Достаточно вспомнить письма академиков, обличающих Андрея Дмитриевича Сахарова (они были переизданы в связи с его датой). Среди этих обличителей было много интеллигентных людей. Немало писателей в свое время травили Пастернака, Бродского, Солженицына. Среди них тоже были очень интеллигентные люди.

Как это ни странно, представители интеллигенции, которые отнюдь не прославили себя откровенной оппозицией советской власти, очень часто оказываются резкими оппозиционерами по отношению к власти сегодняшней. Мы видели академиков, которые гордо отказывались принимать награды из рук Ельцина, негодуя против Чеченской войны,

но принимавших их из рук Брежнева во время Афганской войны.

Дмитрий Сергеевич – фигура совершенно другого типа. Это очень важно осознавать. Дмитрий Сергеевич Лихачев не подписал ни одного позорного письма, вел себя безукоризненно по отношению к обществу, хотя это было очень не просто. Дмитрий Сергеевич, который прошел Соловки и которого травили в недавнее «вегетарианское» время, ни разу не позволил себе не только оскорбительных, но даже резко оппозиционных выступлений, например, в адрес Ельцина и власти, которую он олицетворял.

Здесь говорили о добрых отношениях Дмитрия Сергеевича с женой Ельцина, Наинной Иосифовной. Дмитрий Сергеевич имел полное моральное право в отличие от людей, о которых я говорил, вести себя так, как он считал нужным. Причем он прекрасно видел, как все мы, недостатки существующей модели, но при этом, как истинный историк, трезво мыслящий человек, человек порядочный, Дмитрий Сергеевич никаких иллюзий относительно характера нашей драматической истории не строил.

Он хорошо понимал события XVI века, когда Россия оказалась перед выбором, а в 90-е годы XX века понимал, какое наследство досталось демократической власти, какое общество окружает властные структуры, что возможно, что не возможно, и поэтому вел себя чрезвычайно последовательно. Д. С. Лихачев не сотрудничал с советской властью и не выступал, несмотря на безусловные претензии власти демократической, потому что был настоящим гражданином, не декларативным. Ведь оппозиционность, когда она ничем не грозит, — чрезвычайно комфортное состояние, прида-

ющее ощущение собственного достоинства, значимости.

Лихачеву это не нужно было совершенно.

Дмитрий Сергеевич был (что очень важно) историческим оптимистом, человеком, генерирующим интеллектуальное спокойствие. За последнее десятилетие появилось немало любителей делать трагические пророчества

и взбалтывать общественное сознание. Дмитрий Сергеевич обладал стабилизирующим психологическим воздействием на общество, и это, я думаю, одна из причин его высокого и массового авторитета.

Исторический пессимизм, смею сказать, признак слабости, а Дмитрий Сергеевич был человеком спокойным и сильным.